

Ю. М. ПЛЮСНИН

СОЦИОБИОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ БИОСОЦИАЛЬНОСТИ

«Факт существования животных обществ известен, но не объяснен. До сих пор он не был связан ни с каким общим законом природы»¹. Такими словами в конце прошлого века начинал свою «Социальную жизнь животных» А. Эспинас. К сожалению, они остаются справедливыми и сто лет спустя. Несмотря на очередную попытку — в лице социобиологии — решить проблему возникновения и эволюции биосоциальности, мало что изменилось в объяснении и теоретическом анализе социального поведения животных и многих аспектов этологии человека².

Все трудности и проблемы развития эволюционной социобиологии как биологической дисциплины отражает следующая цитата из этой исторической книги: «Вопрос: что такое общество животных? У этого вопроса нет другой истории, кроме истории связанного с ним вопроса:

что такое общество людей?»³ Реальные перспективы ее развития неразрывно связаны с решением вопросов социантропогенеза, а значит, и с развитием гуманитарного знания. Отсюда научная и практическая актуальность социобиологии и тот несколько чрезмерный интерес естествоиспытателей и философов к этому новому направлению, сформировавшемуся в середине 76-х годов.

Отсюда и те оптимистические заявки социобиологов на создание «единой теории социальной эволюции» (Э. Вильсон) и «осознание движущих сил человеческого поведения» (Р. Александер), сделанные в первое пятилетие развития социобиологии и вызванные в равной мере как внешними запросами, так и известными успехами при создании формальной концепции эволюционной социобиологии.

Задача данной статьи не столько критика, сколько анализ проблем и перспектив развития исследований, направленных на решение вопросов эволюции биосоциальности, включая и этап социогенеза. Эти исследования объединяются в последнее время общим термином «социобиология»⁴. Поскольку получила распространение точка зрения об исключительной новизне социобиологии, мне представляется важным рассмотреть также вопрос и о ее преемственности с «социальной жизнью животных» («социологией животных»), направлением, развивавшимся в науке со второй половины XIX в. до 20-х годов XX в.

I

Современный этап в исследовании проблемы эволюции биосоциальности связывается обычно с появлением в 1975 г. книги Э. Вильсона «Социобиология: новый синтез» и с работами У. Гамильтона, Р. Александера, Дж. Майнарда Смита, Р. Триверса, Р. Доукинса, Е. Чернова.

Однако «новый синтез» (по содержанию получившийся весьма синкретичным) имеет глубокие корни. Он берет свое начало с середины XIX в. Три основных факта — развитие эволюционного учения, появление социологии и сравнительной психологии — были причинами формирования устойчивого интереса к «социальной жизни животных» и на этой основе к проблеме эволюции биосоциальности. Развитие идей морфологической и психической эволюции естественным образом привело к появлению идеи эволюции и социальной формы. На фоне триумфального шествия эволюционного учения исследования «социальной жизни животных» и возникновения биосоциальности развивались весьма интенсивно. Со времени Ж. Сент-Илера и Ч. Дарвина и до 20-х годов XX в. (времени кризиса эволюционизма) можно назвать около 150 ученых, изучавших «социологию животных». Признанным лидером нового научного направления был А. Эспинас, который создал, вероятно, наиболее интересную и фундаментальную теорию эволюции социальности.

Главная идея его подхода к этой проблеме заключалась в утверждении первичности социальности: социальная жизнь — имманентное свойство всего живого и возникает одновременно с возникновением жизни. (Это утверждение следует рассматривать в качестве первого постулата теории Эспинаса: «не существует несоциальных видов», на котором затем строится все здание его «социальной жизни животных», поддерживаемое тринадцатью «законами социальных фактов».) Из идеи первичности социальности (т. е. независимости социальной эволюции от морфологической эволюции) выводятся затем два важных следствия: 1) «общество — живое существо или организм идей»⁵, т. е. самодостаточная сущность, столь же целостная, как и организм; 2) всякое объединение индивидов с целью воспроизводства антагонистично обществу: там, где усиливаются семейные связи (осуществление биологической преемственности), ослабляются социальные («идеальные» связи между индивидами). Оба эти результата имели для теории Эспинаса решающее значение: первый для создания непротиворечивой и цельной схемы эволюции социальной жизни, включая человека⁶; второй для судьбы теории: практически никто не принял такой оппозиции «семейственность — социальности», тем более, что это противоречило имевшимся уже наблюдениям. Несмотря на отчетливо дедуктивный подход, в своей содержательной части эта концепция была феноменологической и умозрительной не подкрепленной полевыми и экспериментальными данными.

Кризис «социологии животных», который привел к забвению ее более чем на 50 лет, наступил в начале XX в. Споспобствовали ему две внутренние причины и ряд внешних, связанных с особенностями развития в этот период других биологических дисциплин. Главная причина кризиса была заложена в самой концептуальной

базе «социологии животных»: будучи порождением сравнительной психологии и эволюционной социологии, она с самого рождения была и оставалась двуглавой: «в то время как натуралисты, подчиняясь безотчетной необходимости обобщения, сравнивали животные общества с человеческими, политики, движимые тем же побуждением, уподобляли человеческие общества общинам животных. Но так как ни те, ни другие из них не стремились к уяснению источников и основной сути этого сравнения, то они обоюдно только увеличивали своими уподоблениями общую путаницу, вместо того, чтобы сколько-нибудь ее рассеять»⁷. Вторая внутренняя причина кризиса заключалась в отсутствии полевых исследований в естественных условиях обитания животных.

Усугублен он был и общим кризисом эволюционного учения. Это вызвало соответствующий скептицизм и по отношению к идее эволюции социальности. Значительно дискредитировали «социологию животных» социал-дарвинистские концепции. Социология же в своем развитии совершенно отошла от решения вопросов «естественной истории человека», а «старая антропология», которая могла бы ее в этом заменить, вообще игнорировала эти вопросы.

Еще более важным фактом явилось разделение сравнительной психологии на два почти противоположных направления: зоопсихологию, изучающую психические процессы у животных (т. е. преимущественно приобретенное поведение и процессы, научения), и бихевиоризм (рефлексологию), в рамках которого исследовались прежде всего совокупности врожденных реакций животного. Естественно, что дисциплины, основными понятиями которых были «психика животного» и «стимул-реакция», не ориентировались на изучение социального поведения.

Усугубило положение и бурное развитие этологии, начавшееся с середины 30-х годов. Новая наука исследовала наследственно закрепленные формы поведения в естественных условиях обитания животных. Осязательные успехи этологии в этом направлении и те перспективы ее развития, которые ожидалось в 40—50-х годах, отодвинули на задний план исследования собственно социального поведения животных.

Тем не менее с 60-х годов такие исследования начались и благодаря прежде всего этологам: Н. Тинбергену, Дж. Круку, Р. Шовену и др. Во многом это было связано с тем, что перенос исследований в естественную среду вынудил этологов обратить пристальное внимание на характер взаимодействий между животными в группах, поскольку оказалось, что эти взаимодействия являются тем контекстом, от которого почти целиком зависит реализация определенных врожденных стереотипных реакций.

С этого времени начинается быстрое развитие социозтологии, имеющей предметом систему отношений между особями в популяции. Очень быстро распухая от фактов, социозтология оказалась бессильной переработать их концептуально. Необходимость же осмысления новых данных, пополнявшихся и экспериментальными исследованиями, создала ту благоприятную почву, на которой созрел плод социобиологии. Новая наука сразу предложила социозтологии общую (и формально строгую) концепцию эволюции биосоциальности. Исследуя биологические основы социального поведения, социобиология должна была вначале явиться концептуальной базой для социозтологии, а затем и поглотить последнюю. В то же время она не смогла предложить принципиально новой типологии всего многообразия социальных форм у животных и человека.

II

Хотя Э. Вильсон указывает как на своего предтечу непосредственно на Эспинаса, между их подходами существует несколько принципиальных различий, которые и позволяют рассматривать социобиологию как довольно новый подход к проблеме биосоциальной эволюции. Анализ этих различий позволяет дать более точную оценку последнего.

1. В отличие от Эспинаса, положившего в основу концепции идею о первичности социальной организации, Вильсон социальность считает вторичным (и исключительно адаптивным) феноменом животного мира. Так же, как и для Эспинаса, эта идея для него имеет первостепенное значение—на ее основе строится вся концепция (в этом заключается тесная методологическая преемственность обоих подходов к проблеме эволюции биосоциальности). Вильсон выстраивает целиком умозрительную «лестницу социальности», отдельные ступени которой — асоциальная, протосоциальная, семисоциальная, зусоциальная — проходят виды в своем филогенетическом развитии⁸. Эта лестница прямо соотносена с филогенетическим древом животного мира, в некотором смысле является грубым слепком с него. Насколько эта идея важна для Вильсона, видно из того, что в дальнейшем (в работе, опубликованной совместно с Ч. Ламсденом) он «лестнице социальности» приводит в прямое соответствие «лестницу культуральности»⁹.

Утверждение о вторичности социальности автоматически требует подхода с позиций адаптационизма и оно удовлетворяется построением соответствующих «лестниц». Но одновременно этот центральный тезис социобиологии имеет следствием утверждение о соответствии биосоциальной эволюции морфологической эволюции видов. Но это, во-первых, ограничивает адаптационистский подход, во-вторых, в явной форме вводит в социобиологическую концепцию эволюции телеологию и феномен предопределения настоящего будущим. (Поскольку устанавливается жесткое генетическое соответствие между морфологической и биосоциальной эволюциями, из этого необходимо вытекает, что социальное поведение осуществляется с весьма отдаленной целью — выгоды не для осуществляющих его особей, а для их потомков. Кроме того, что такой вывод делает бессмысленным адаптивность социального поведения, он ведет к порочному кругу в рассуждениях.)

2. В социобиологии первичное сообщество — это два или несколько индивидов, кооперирующихся для осуществления репродуктивных функций, т. е. «семья». Эволюция социальной организации протекает благодаря «семейственности», «непотизму». На этой же основе осуществляется и эволюция общественной жизни человека¹⁰. Идея о роли родственных отношений между индивидами в эволюции биосоциальности — основной позитивный момент в социобиологии и альтернативна позиции Эспинаса. Здесь наблюдается любопытное сочетание новообразования и заимствования. Социозтологические и экологические исследования позволили уста-

новить, что основой для кооперации животных является прежде всего репродуктивное поведение. На нем же базируется и структура популяции. Поэтому представление о репродуктивной группе как базисной функциональной ячейке привело к двум важным следствиям: 1) репродуктивные отношения — это основа социальной организации, а ее основной структурный компонент — семья — одновременно элементарная ячейка популяции; 2) таким образом, социальная эволюция связана с популяционной экологией и естественный отбор действует не только на особей, единицами отбора выступают и группы родственников. Этот результат стал революционным для развития теоретической социобиологии. Тем более, что к тому времени уже имелась интересная теория «отбора родичей» У. Гамильтона, связывающая дарвиновскую приспособленность особей в сообществе с коэффициентом родства между ними¹¹. Хотя теория была сугубо формальной и слишком упрощенной, несомненным ее достоинством для социобиологии оказалось установление простых связей между этологическими, экологическими и эволюционными процессами, протекающими в популяции.

Центральными терминами социобиологии стали «альтруистическое поведение», «непотизм», «реципрокный альтруизм», «социальная взаимность». «Альтруистическое» поведение особей ведет к повышению приспособленности их родственников и способствует консолидации членов группы. «Непотизм» в еще большей степени укрепляет социальные связи и расширяет их круг. Дальнейшим шагом в развитии социальности стало возникновение «реципрокного альтруизма» — альтруистическими актами обмениваются между собой особи, не являющиеся родственниками¹². Эти отношения «взаимного доверия» расширяют социальные контакты за рамки родственных связей и характеризуют уже высокий этап эволюции социальных отношений. Как следствие, возникает «социальная взаимность» (понятие, заимствованное у структуралистов), консолидирующая все процессы функционирования примитивных человеческих обществ.

3. Наконец, третьим отличием социобиологии от «социологии животных» является ее последовательно редуционистская методология¹³. Она во многом детерминирована использованием аппарата математической генетики. Все социальные отношения между особями сводятся в конечном счете (при формализации) к взаимодействию отдельных генов: биологический индивид выступает лишь в качестве средства, воплощающего в жизнь стратегию поведения гена. Редуционизм в формальных конструкциях способствует и содержательному редуционизму, который ведет социобиологию в тупик. Основа социальной организации — семья, родственная группа при формализациях заменяется отдельной особью, поведение которой направлено на повышение приспособленности данного генотипа.

Выделенные моменты качественного своеобразия социобиологии одновременно составляют и ее непреодолимые трудности: это сведение проблемы эволюции к проблеме адаптации, постулирование однозначного соответствия между филогенетической и социальной эволюциями, появление в силу этого порочного круга в рассуждениях, и, наконец, последовательный редуционизм, «корпускулярность» при объяснении причин возникновения социальных взаимодействий.

Эти концептуальные трудности довольно скоро вызвали неудовлетворение и самих социобиологов, что привело к попыткам искать новые подходы¹⁴. Одновременно это способствовало развитию социобиологии по трем все более расходящимся направлениям: теоретической социобиологии, экологической социозтологии и социобиологии человека. Рассмотрим лишь особенности социобиологического подхода к поведению и социальной эволюции человека.

II

В социобиологии человека наиболее важное значение имеют два вопроса: 1) выявление генетических механизмов («движущих сил») человеческого поведения; 2) поиск закономерностей эволюции как отдельных социальных институтов, так и социальной системы в целом. В обоих случаях предлагаемые решения противоречивы.

Несомненно, что многие особенности индивидуального поведения человека в той или иной степени наследственно детерминированы, но вопрос в том, насколько важно это знание для понимания поведения человека в общегитии? За редким исключением поведение индивидуума социально мотивировано и вклад генетических факторов определяет лишь индивидуальную окраску поведения (т. е. вариативность в статистическом смысле). Что же касается вопроса филогенетической преемственности поведения человека с поведением других животных, то он должен, видимо, в основном сводиться к вопросу об инвариантах как сохраняющихся в эволюции этологических структурах в силу общебиологических закономерностей (в частности, и их адаптивности).

Поскольку люди — не бесплотные духи, они подчинены законам, Действующим в органическом мире. А они имеют известное протяжение и в область человеческого поведения. Поэтому такие категории поведения, как агрессивность, территориальность, доминирование, имеют адаптивный смысл и определенное значение и в человеческом общежитии. Однако они не могут быть здесь основаниями социального поведения, как полагает ряд этологов и социобиологов, а лишь условиями его осуществления, создающими преемственность с ранними стадиями естественно-исторического развития человека и сохранившими адаптивное значение на определенных уровнях человеческих отношений. (Так, индивидуальная агрессивность человека влияет на многие элементы его поведения в быту, но собственно поведение определяется и направляется социальной мотивацией и социальным контролем.) «Признание биосоциальной природы человека означает признание единства социального и биологического в природе человека как индивидуума и личности в системе общества. Это единство реализуется и проявляется более всего в том, что формы и нормы общественного сознания, всецело определяемые формой общественного производства и идеологией (не биологией!) господствующего класса, воспринимаются и реализуются в качестве сущностных сил в социальной практике каждого индивидуума по-разному, в зависимости от его природных сил — задатков, способностей, влечений»¹⁵.

Научная неадекватность решения проблемы этологических инвариантов в социобиологии

обусловлена именно примитивным отождествлением категорий разных уровней: поведения индивида — с поведением групп, поведение групп — с функционированием всей социальной системы, более того, зачастую со смешением понятий разных уровней (например, агрессивности и агрессии). По существу, эта «традиция» в социобиологии идет от этологии человека—концепции территориальной агрессивности К. Лоренца и этологии культуры О. Кёнига построены методом прямой аналогии между животными и человеком.

Подобного характера и противоречия, возникающие при решении вопроса об эволюции социума. Отметим наиболее важное, на наш взгляд, противоречие. В соответствии с социобиологической концепцией социальная организация и отдельные институты базируются на таких структурах, которые развиваются из отношений родства и семейственности, т. е. направлены на воспроизводство и поддержание социодемографической структуры популяции. Одновременно появление общественных форм у человека рассматривается лишь как адаптивный процесс, вызванный причинами экологического порядка (например, защита от хищников). Тем самым социальная система рассматривается, во-первых, как неоднородная по своим составляющим, во-вторых, как пассивное образование, механический результат действия биологических факторов. Важный в теоретическом плане деятельностный момент (кооперация деятельности) в социобиологическом анализе отсутствует. Уже это не позволяет рассматривать предлагаемый вариант решения как удовлетворительный.

Появление новых важных фактов в социозтологии и наметившиеся пути интеграции биологического и социогуманитарного знания способствуют развитию процесса переосмысления теоретической концепции в социобиологии человека. Можно ожидать, что перестройка в этом важном отделе повлечет за собой переработку и всей концепции социобиологии.

Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, Новосибирск

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эспинас А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии.— Спб., 1882.— С. 1.

² Далее везде я буду придерживаться этой условной, но общепринятой в биологической литературе терминологии, понимая под социальным поведением явления кооперативного поведения животных с разделением функций и регуляцией взаимодействий. Под «эволюцией биосоциальности» понимается филогенетическое развитие в разных таксономических группах форм взаимодействия между животными одного вида. Термин «биосоциальный» применительно к человеку характеризует его природу, но не относится к социальной организации.

³ Эспинас А. Социальная жизнь животных...— С. 1.

⁴ Э. Вильсон под социобиологией понимает систематическое изучение биологических основ всякого социального поведения любых видов организмов, включая человека (см.: **Wilson E. O.** Sociobiology: The new synthesis.— Cambridge: Harvard Univ. Press, 1975). Поэтому предмет социобиологии отличен от предмета социозтологии (см. ниже); кроме того, она, несомненно, гораздо шире той социобиологии, что фигурирует в качестве объекта философской критики.

⁵ Эспинас А. Социальная жизнь животных...— С. 443.

⁶ Традиция, заложенная здесь Эспинасом, отчетливо прослеживается у В. А. Вагнера и П. Тейяра де Шардена.

⁷ Эспинас А. Социальная жизнь животных...— С. 2.

⁸ **Wilson E. O.** Sociobiology...— Ch. 2.

⁹ **Lumsden Ch. J., Wilson E. O.** Genes, Mind and Culture. The coevolutionary process. — Cambridge: Harvard Univ. Press, 1981.

¹⁰ **Alexander R. D.** Darwinism and human affairs.— Seattle, L.: Univ. Wash. 1979.

¹¹ **Hamilton W. D.** The genetical theory of social behaviour. I, II. — J. theor. biol. — 1964. — V. 7, N 1 — P. 1 — 52

¹² См.: **Trivers R. L.** The evolution of reciprocal altruism// Quart. Rev. Biol.— 1971.—V. 46.—P. 35—37.

¹³ По мнению Е. Н. Панова, современная теоретическая социобиология — «это своеобразный рецидив механистического детерминизма в биологии» (**Панов Е. Н.** Поведение животных и этологическая структура популяций.— М.: Наука, 1983.— С. 303).

¹⁴ См., например: **Freedman D. G.** Human sociobiology: A holistic approach.— N. Y.: Free Press, 1979; **Baldwin J. D., Baldwin J.** Sociobiology or balanced biosocial theory// Pacific Social rev. San. Diego.— 1980.— V. 23, N 1.— P. 3—27

¹⁵ **Беляев Д. К.** Современная наука и проблемы исследования человека// Вопр. философии.—1981. — № 3. —С. 4.